

МИХАИЛ АРДОВ

СЕРЖАНТ
ЗВУКА

НАЧАТЬ С МАЖОРА

Михаил Ардов

Сержант звука.

Начать с мажора

<https://litres.ru/74540687>

SelfPub; 2026

Аннотация

В 2026 году я был старым, уставшим звукорежиссером, доживающим век на копеечной ставке в ДК. Вся моя жизнь осталась в прошлом — там, где я так и не стал звездой, променяв талант на ресторанную лабуду и копеечную фарцовку. Сердце хрипнуло под звуки старого радио а проснулся я от того, что меня трясет за плечо мама.

На дворе август 1979 года. Мне снова семнадцать. Мои пальцы еще не разбиты артритом, а в голове — терабайты музыки из будущего. Хиты «Кино», «Наутилуса», Майкла Джексона и Queen, которые здесь еще никто никогда не слышал.

Впереди Олимпиада-80, золотая эпоха застоя, строгие худсоветы, КГБ и подпольные цеховики. Вокруг меня — Москва моего детства: с лимонадом по три копейки, джинсами по цене зарплат и комсоргами, готовыми сожрать за «чуждые ритмы».

Ну что, товарищи номенклатурщики, выкусите! Старый лабух начинает игру. И в этот раз мы начнем с мажора.

Содержание

Глава 1. Запах канифоли и тройного одеколона	4
Глава 2. «Звезда» из подвала	9
Глава 3. Золотой дождь у «Интуриста»	15
Гла	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Михаил Ардов

Сержант звука.

Начать с мажора

Глава 1. Запах канифоли и тройного одеколона

Боль пришла не слева, как пугали в медицинских передачах, а глухо ударила прямо по центру груди. Словно тяжелый, пыльный сценический сабвуфер рухнул с двухметровой высоты прямо на ребра.

Михаил Артемьев хрипнул, роняя из неслушающихся пальцев паяльник. Раскаленное жало обожгло коленку сквозь потертые джинсы, но он этого почти не почувствовал. В глазах стремительно темнело. На старом микшерном пульте «Берингер», который Миша безуспешно пытался реанимировать последние три часа, испуганно замигали красные индикаторы перегрузки.

В камерке звукорежиссера подмосковного ДК «Строитель» пахло разогретой канифолью, дешевым растворимым кофе и безысходностью. За окном выл февраль лохматого 2026 года. Мише было шестьдесят два. Позади осталась раз-

битая жизнь: карьера ресторанныго лабуха в девяностых, копеечное продюсирование местечковых групп в двухтысячных и вот этот финал — тридцать тысяч рублей оклада и вечная борьба со сгорающими предохранителями.

«Смена регистра, — отрешенно подумал Миша, сползая по ободранному дерматиновому креслу на пол. — Кода. Вот и всё».

Звуки старенького радиоприемника, крутившего какой-то навязчивый современный поп-хит, вдруг растянулись, превращаясь в утробный, замедляющийся гул. Эквализация пространства выкрутилась на ноль. Миша закрыл глаза и провалился в плотную, ватную тишину.

— Мишка! Вставай, горе ты мое! Слышишь? Будильник уже пять минут надрывается, всю квартиру разбудил!

Звук, ворвавшийся в сознание, был резким, пронзительным и до боли механическим. Никакой цифровой чистоты. Чистый, аналоговый, дребезжащий кошмар.

Миша резко сел на кровати, хватаясь за грудь. Сердце... Сердце колотилось как сумасшедшее, но не от боли. Оно работало мощно, ровно, как новенький японский движок. Любовй атаки инфаркта не было.

— Мама?.. — хрипло выдохнул он, оглядываясь по сторонам. Позвоночник не отозвался привычным утренним хрустом, а колени не заныли к непогоде.

Миша зажмурился, потряс головой и снова открыл гла-

за. Каморка ДК исчезла. Он сидел на узкой кушетке-тахте в комнате, залитой ярким августовским солнцем. На стене противно тикал круглый пластмассовый будильник «Янтарь». Рядом с ним на гвоздике висел огромный, шерстяной ковер с геометрическим узором. Возле окна стоял полированный стол, на котором громоздилась стопка общих тетрадей, учебник «Физика-10» и... новенький, еще пахнущий свежей пластмассой кассетный магнитофон «Электроника-302».

Миша опустил взгляд на свои руки. На него смотрели гладкие, тонкие пальцы без единого намека на возрастной артрит или старческие пигментные пятна. Кожа была упругой, а на правом среднем пальце красовалась свежая мозоль от шариковой ручки.

Он пулей сорвался с тахты и подлетел к зеркалу на дверце платяного шкафа.

Из зазеркалья на него ошалело таращился парень лет семнадцати. Густая, слегка растрепанная каштановая шевелюра (никакой лысины!), чистая кожа, узкие плечи и дурацкие семейные трусы в синий цветочек.

— Твою же дивизию... — прошептал Миша, трогая свои щеки. Голос сломался, дав петуха на высокой ноте. Это был голос подростка.

Он метнулся к столу, перевернул настольный календарь-численник. Верхний листок с картинкой какого-то комбайна гласил: **«28 августа 1979 года, Вторник»**.

— Семьдесят девятый... — вслух произнес он, чувствуя, как по спине пробежали ледяные мурашки. — До Олимпиады меньше года. Брежнев живой. А мне... мне снова семнадцать.

В дверь комнаты негромко постучали, и она приоткрылась. На пороге стояла женщина в ситцевом халате. Молодая, красивая, с забавными бигуди на челке и без единой седой пряди. Мама. В его времени её не стало еще в две тысячи двенадцатом.

— Миш, ну ты чего застыл как истукан? — ласково, но строго спросила она. — Давай на кухню, сырники остывают. Отец уже уехал в горком, просил передать, чтобы ты сегодня обязательно зашел в приёмную комиссию МГИМО. Документы проверил? Хватит уже дурака валять со своими пластинками, взрослая жизнь начинается!

Она ушла, хлопнув дверью, а Миша так и остался стоять посреди комнаты. В нос ударил густой, умопомрачительный запах маминых сырников, смешанный с ароматом дедушкиного тройного одеколона из ванной.

Взрослая жизнь, значит? Номенклатурный папа-чиновник уже все решил за него: престижный вуз, костюм-тройка, скучные съезды и карьера дипломата. Карьера, которая в нашей реальности разлетится в пух и прах вместе со всей страной ровно через двенадцать лет.

Миша повернулся к углу комнаты. Там, в чехле из грубого брезента, сиротливо стояла его первая электрогитара —

легендарное советское полено под названием «Урал».

В его голове, ясной и свежей, как майское утро, в этот момент плотным потоком крутились гитарные риффы, которые мир еще не слышал. Он помнил всё. Он помнил «Группу крови» Цоя, помнил надрывные баллады Кормухиной, помнил стадионные боевики «Scorpions» и сумасшедшие аранжировки Майкла Джексона. Вся музыка будущего была записана в его черепной коробке, как на жесткий диск.

Миша медленно подошел к гитаре, расстегнул брезент и взял инструмент в руки. Тяжелый, неотсоединенный гриф лег в ладонь как родной.

— Ну что, товарищи номенклатурщики... — Миша дерзко усмехнулся своему отражению в зеркале и провел пальцем по толстой шестой струне. Гитара отозвалась глухим, но многообещающим гулом. — Посмотрим, кто кого. В этот раз мы начнем с мажора.

Глава 2. «Звезда» из подвала

Утреннее московское солнце пекло совсем по-летнему. Михаил шел по тенистой аллее, жадно вдыхая непривычно чистый воздух. Никаких тебе выхлопов от тысяч кредитных иномарок — лишь редкие желто-синие «Икарусы» с гармошкой да пузатые «ПАЗики» нарушали тишину проспекта. На площади у кинотеатра выстроилась очередь к желтой бочке с надписью «Квас». Продавец в белом халате ловко наливала пенный напиток в огромные стеклянные кружки по две копейки за маленькую и по шесть — за большую.

Миша сунул руки в карманы новеньких джинсов Тверской швейной фабрики. Жесткие, синие, они сидели как фанера, но для большинства его сверстников и это было пределом мечтаний. В кармане приятно звякнула мелочь.

Вместо приемной комиссии МГИМО ноги сами принесли его к районному ДК «Космос» — типовому двухэтажному зданию с колоннами и огромным рисованным плакатом фильма «Пираты XX века» на фасаде. Именно здесь, в подвале под актовым залом, базировалась их школьная рок-группа «Резонанс».

Толкнув тяжелую деревянную дверь, Миша спустился по крутой лестнице. Запахло сыростью, старым паркетом и раскаленными лампами усилителей. Навстречу ему из клубов сигаретного дыма «Явы» вынырнули двое парней.

— О, Артем, явился! — басовито прогудел длинный, нескладный парень в растянутом свитере. Это был Борька Щукин, барабанщик. — А мы тут твой «Урал» уже настроить пытались. Струны — канат, пальцы в кровь!

Вторым был Костя Назаров, клавишник — худой очкарик со взглядом отличника, бережно протирающий фланелевой тряпочкой клавиши громоздкого электрооргана «Юность».

— Ну что, лабухи, — Миша улыбнулся, чувствуя, как внутри закипает чистое, подростковое упрямство. — На чем мы там остановились в прошлый раз? Опять мучаем официальную программу ко Дню конституции?

— А что делать? — вздохнул Костя, поправляя очки. — Нам Голубева из комсомола чётко сказала: если не сдадим худсовету три песни советских композиторов, подвал у нас отберут. Придется играть «Мой адрес — Советский Союз».

— Сдадим, — отрезал Миша, скидывая легкую куртку. — Но сначала сыграем кое-что другое. Подыграйте мне. Квадрат простой, четыре аккорда. Борька, дай прямой ровный бит, как на дискотеке, только жестче. Костян, на заднем плане держи плотную подушку. Качнем этот подвал.

Миша взял в руки свой «Урал». В XXI веке он плевался от звука этой гитары, но сейчас, когда его пальцы были молодыми и гибкими, инструмент подчинился. Перещелкнув тумблер на самодельном транзисторном «комбике», Миша добился плотного, слегка грязного звука.

Он глубоко вдохнул. В голове вспыхнул образ Виктора

Цоя — парня, который в этом 1979 году еще учился в ПТУ и даже не думал о стадионах.

Удар по струнам. Хлёсткий, ритмичный рифф разрезал душный воздух подвала. Борька поймал ритм со второго такта, его палочки застучали по советским пластиковым барабанам уверенно и плотно. Костя испуганно, но точно вклеил в общую палитру низкие, тревожные ноты «Юности».

Миша подошел к хрипящему микрофону «МД-200» и запел. Свой новый, еще ломающийся, но сильный голос он подкрасил той самой каноничной, пронзительной хрипотой из будущего:

— *Белый снег, серый лёд, на растрескавшейся земле... Одеялом лоскутным на ней — город в дорожной петле...*

Борька от удивления чуть не выронил палочку, но вовремя перешел на мощный драйв. Такой музыки в СССР еще не писали. Это был не слащавый вокально-инструментальный ансамбль и не сложный, заумный арт-рок «Машины времени». Это был чистый, концентрированный энергетик, бьющий прямо в нерв.

— *...И две тысячи лет — война, война без особых причин...* — выкладывался Миша, чувствуя, как по коже бегут мурашки. — *Война — дело молодых, лекарство против морщин!*

На припеве «Группы крови» парни уже играли так, словно от этого зависела их жизнь. Глаза очкарика Кости горели фанатичным блеском, он буквально вжимал клавиши в корпус

органа. Это был триумф. Чистое прогрессорство в действии.

Финальный аккорд повис в воздухе плотным, вибрирующим эхом. Парни тяжело дышали, уставившись на Мишу как на сумасшедшего.

— Артемьев... ты чанулся? — прошептал Борька, вытирая пот со лба. — Это... это что вообще было? Откуда? Кто написал? Какой-то подпольный Питер? Макаревич?

— Я написал, — соврал Миша, не моргнув и глазом. — Сегодня ночью приснилось.

— Да ладно врать-то! — Костя вскочил со стула. — Это же гениально! Мелодия простая, но качает так, что... Да за такую песню нас же...

— За такую песню вас из комсомола погонят и со справкой из института выкинут! — раздался от двери резкий, визгливый женский голос.

Музыканты дружно обернулись. На нижней ступеньке лестницы стояла Лариса Голубева — освобожденный секретарь комсомольской организации района. Строгий синий костюм, волосы, убранные в тугий пучок, и поджатые губы. В руках она сжимала папку с завязками.

— Артемьев, это что за упаднические настроения? — Голубева сделала шаг вперед, чеканя слова. — Какая еще война? Какой серый лед? У нас страна строится, БАМ гремит, Олимпиада на носу! А ты тут хоронишь молодежь? Это же чистой воды западная идеология, пессимизм и чуждые советскому человеку ритмы!

Костя и Борька виновато втянули головы в плечи. Советский страх перед начальством сработал мгновенно. Но Миша... Мише было шестьдесят два года по внутреннему счетчику. Он этих комсorghов в девяностые видел десятками — как они первыми сжигали свои партбилеты и открывали вещевые рынки.

Миша спокойно поправил ремень гитары, повернулся к Голубевой и посмотрел ей прямо в глаза — уверенно, с легкой, снисходительной усмешкой взрослого мужчины.

— Лариса Игоревна, вы текст-то внимательно слушали? — спокойно, без тени испуга спросил он.

Комсорг от такой наглости даже поперхнулась:— Я... я всё прекрасно слышала!

— Похоже, что нет, — мягко парировал Миша, делая шаг навстречу. — Это песня о борьбе. О долге. «Группа крови на рукаве, порядковый номер на рукаве» — это же прямая отсылка к нашим советским воинам-интернационалистам, которые сейчас выполняют долг в Африке и Азии. «Пожелай мне удачи в бою» — это гимн мужеству, патриотический рок! Мы как раз готовили её для смотра политической песни. Разве комсомол против поддержки наших парней за рубежом?

Голубева замерла. На её лице отразилась тяжелая умственная работа. Шаблон советского функционера трещал по швам. С одной стороны — музыка звучит дико и непривычно. С другой — парень говорит правильные, железобе-

тонные партийные вещи, против которых не попрешь. Ошибешься — и тебя саму обвинят в отсутствии политической бдительности.

— Артемьев... — уже менее уверенно произнесла она, поправляя пиджак. — Ты мне зубы не заговаривай. Текст я лично возьму на проверку. Чтобы к завтрашнему дню литованная копия лежала у меня на столе. И чтобы никаких вольностей! Играйте свою «Конституцию» и не умничайте.

Она круто повернулась на каблуках и поспешила вверх по лестнице.

Как только дверь за ней захлопнулась, подвал взорвался. Борька дико захохотал, колотя палочками по тарелкам.

— Жесть! Артем, ну ты выдал! — Костя с уважением посмотрел на друга. — «Воины-интернационалисты»! Да ты её просто раскатал её же методами! Откуда в тебе это? Ты же раньше перед ней бледнел как стенка!

Миша лишь загадочно улыбнулся, вешая гитару на стойку. Первый раунд был за ним. Но он прекрасно понимал: на одних понтах далеко не уедешь. Чтобы записать «Группу крови» и другие хиты будущего так, как они должны звучать, нужен качественный аппарат. Нужны японские кассеты Maxell или TDK, хороший пульт, ревербератор. А все это стоило на черном рынке сумасшедших денег.

Значит, пора было переходить ко второму пункту плана. К фарцовке.

Глава 3. Золотой дождь у «Интуриста»

Кожанный кошелек-раскладушка, бережно хранимый Мишей-подростком в тайнике под паркетом, содержал ровно тридцать два советских рубля. Для школьника 1979 года — неплохо, но на музыкальный аппарат XXI века этого не хватило бы даже на одну дефицитную кассету. Хорошая «девятиностоминутка» *TDK* или *Sony* на черном рынке стоила от десяти до пятнадцати рублей. Чистый грабеж, учитывая, что средняя зарплата в стране составляла около ста сорока.

— Ничего, — прошептал Миша, натягивая поверх футболки легкую ветровку. — В прошлый раз я в этих дебрях путался. Сейчас правила игры знаю я.

«Плешка» у гостиницы «Интурист» на улице Горького встретила его привычным для этой эпохи Вавилоном. Здесь пахло дорогим парфюмом, заграничным табаком, а глаза слепило от невиданных для обычного советского человека чудес: японских курток, ярких пакетов с логотипами иностранных авиакомпаний и начищенных до блеска авто «дипломатического корпуса».

Миша неторопливо лавировал в толпе, сканируя пространство взглядом умудренного опытом мужчины. Вон у парапета трутся двое в одинаковых серых плащах — «топту-

ны» из седьмого управления КГБ, ведут наружное наблюдение. А вон там, чуть в стороне, ошивается прыщавый малый в вельветовом пиджаке, нагло заглядывающий в карманы прохожим. Это Валька-«Кукушка», местный мелкий фарцовщик и по совместительству ментовской осведомитель. В своей прошлой жизни Миша знатно погорел на его «наводке».

Миша прошел мимо Вальки, даже не повернув головы, и направился напрямик к углу Козицкого переулка. Там, делая вид, что изучает театральную афишу, стоял плотный мужчина в заграничных очках-каплях — Алик «Винил», легендарный теневой делец столичного музыкального подполья.

— Извините, товарищ, — негромко произнес Миша, остановившись рядом и глядя на афишу МХАТа. — Вы не знаете, где здесь можно достать свежий пласт «Pink Floyd»? Желательно «The Wall».

Алик едва заметно вздрогнул и скосил глаза на парня: — Пацан, шел бы ты уроки учить. И «Стена» еще даже не вышла. Обещают только к ноябрю.

Миша внутренне улыбнулся. Память звукорежиссера не подвела: релиз культового альбома в Великобритании действительно был назначен на конец ноября 1979 года.

— Знаю, что не вышел, — тихо, но с абсолютной уверенностью ответил Миша. — Но у меня есть кое-что получше. Студийная запись новой программы, чистый хард-рок с

элементами новой волны. Настоящий дефицит из закрытых студий Лондона. Оригинальный материал, который взорвет дискотеки к Олимпиаде.

Алик поправил очки, вглядываясь в лицо наглого подростка. Тон, манера держаться и лексика парня совершенно не вязались с его возрастом. Перед Аликом стоял не испуганный школьник, а тертый калач, который вел переговоры на равных.

— Какая лента? — быстро спросил Алик, профессионально оценивая обстановку. — Скорость? Источник?

— Студийный оригинал на кассете. Запись моя. Отдам эксклюзивное право на перезапись первой копии за... сто пятьдесят рублей. И три чистые кассеты *Maxell LN*.

Алик хмыкнул, едва не поперхнувшись: — Сто пятьдесят? За неизвестного кота в мешке? Ты с дуба рухнул, малец? За такие деньги я могу взять запечатанный двойник «Led Zeppelin»!

— «Zeppelin» — это вчерашний день, Алик, — жестко отрезал Миша, намеренно назвав подпольного магната по имени, отчего тот побледнел. — Мой материал через месяц будут крутить из каждого утюга от Москвы до Ленинграда. Не хочешь — я пойду к Севе на Таганку. Он парень рискованный, сразу поймет, сколько можно поднять на этом к лету восьмидесятого.

Упоминание главного конкурента действовало как разряд тока. Алик воровато огляделся по сторонам, схватил

Мишу за локоть и увлек в глубину подворотни.

— Ладно, черт с тобой. Давай послушаем твой «эксклюзив». Если там туфта — я из тебя всю дурь вышибу, папаша из горкома не поможет.

Миша спокойно достал из внутреннего кармана куртки кассету «МК-60», на которую вчера вечером через хрипящий микрофон в подвале ДК записал чистовую акустическую версию «Группы крови» и набросок еще одного будущего суперхита. Алик вставил её в свой импортный переносной плеер, надел наушники и нажал *Play*.

Первые тридцать секунд лицо дельца оставалось каменным. Затем его брови поползли вверх. Он перемотал назад, послушал еще раз. Его пальцы, обутые в дорогие перстни, начали непроизвольно отбивать тот самый четкий, гипнотический ритм.

— Мать твоя женщина... — прошептал Алик, снимая наушники. Глаза его лихорадочно блестели. — Это кто поет? Твой голос? Да это же... это же готовый стадионный хит! На русском, но качает как западный «Smokie»!

— Деньги вперед, Алик, — Миша протянул руку. — И кассеты.

Через две минуты в кармане Миши лежали три хрустящие, пахнущие типографской краской сторублевые и пятидесятирублевые купюры — Алик на радостях даже накинул сверху за скорость, — а также три заветные коробочки с золотистыми буквами *Maxell*. Это был первый крупный успех.

Стартовый капитал для новой жизни был создан.

Миша вышел из подворотни, чувствуя себя королем мира. Солнце заливало Тверской бульвар, в кармане приятно давил на бедро капитал, на который можно было купить неплохой подержанный мотоцикл «ИЖ». Алгоритм продвижения работал как надо — он переиграл эту систему.

Но стоило ему сделать тридцать шагов в сторону пушкинской площади, как дорогу ему преградили трое.

Они словно сотканы были из серого советского асфальта: широкие спортивные штаны, короткие стрижки, тяжелые кулаки и характерный, наглый прищур парней с рабочих окраин. Любера. Местная шпана, державшая в страхе фарцовщиков и неформалов центра Москвы.

— Слышь, мажорчик, — процедил сквозь зубы самый широкий, с глубоким шрамом на подбородке, перекрывая Мише выход на людную улицу. — Мы тут видели, как ты с Аликом шушукался. Карман не жмет? Делиться надо, по-хорошему. Заходи в подъезд, поговорим за музыку...

Миша замер. Сердце в груди семнадцатилетнего тела испуганно екнуло, выбрасывая в кровь адреналин. В этой подворотне не было ни милиции, ни камер видеонаблюдения XXI века. Только он, трое грабителей и триста рублей в кармане, которые решали всё его будущее.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.